

ДВЕ МОДЕЛИ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕРМСКИХ НАРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (в конце XIX – начале XXI столетия)

Н. М. ЕФИМИЦ,

*президент Союза уральских народов в Украине
(г. Киев, Украина)*

Одну из важных задач внешней политики Украины составляют сохранение добрососедских отношений с Россией и равноправное сотрудничество с многонациональным соседним государством. Для реализации этих задач необходим анализ этнополитических процессов в России, в частности в исторической ретроспективе. Финно-угорские народы, общее количество представителей которых в России составляет около 3 млн чел., проживают в полиэтнических регионах, где сосредоточена большая часть природных ресурсов – основа экономического развития и благосостояния России. Изучение этнических проблем в финно-угорских регионах, конфликтности и специфики формирования этнической идентичности за последние годы находилось и находится в центре внимания как российских, так и западных ученых – Р. Таагепера, А. Шкляева, Е. Тулуз, П. Сорокина, Ю. Вихмана, В. Лыткина.

К сожалению, украинские исследователи проявляли интерес в основном только к языковым, этнографическим и археологическим аспектам финно-угорской проблематики и вопросам финно-угорского субстрата в этногенезе российской нации.

Проблемы этнического развития финно-угорских народов в контексте

политических процессов в России на протяжении XIX–XX столетий и взаимосвязь этих процессов с Украиной нашли свое отображение в первоисточниках, сборниках аналитических статей, монографиях и публицистической литературе.

Финно-угорский мир часто ассоциируется с «мифологическим» сообществом, абстракцией, искусственно сконструированной на основе отдельных языковых явлений. Высказывается мнение, что большинство финно-угорских языков разошлись несколько тысяч лет назад, что не обеспечивает взаимопонимание, и фактически сообщество этих народов является фикцией. С другой стороны, как отметил Р. Таагепера, поиски финно-угорского единства – обратная сторона одиночества народов, которые слишком отличаются от соседей по языку. Справедливым представляется мнение профессора Р. Таагепера о том, что в условиях, когда подавляющее большинство нерусских этносов тяготеют к тюркскому или мусульманскому миру (можно добавить – и к монгольскому миру), этносы, которых мы называем финно-угорскими, почти автоматически выталкиваются в пространство общения между собой, а также с Финляндией, Эстонией, Венгрией, которые составляют для них

© Ефимиц Н. М., 2013

окно на Запад и в мир благосостояния [16].

Однако в виртуальном мире родственных народов есть и пространство для их реальной близости на всех уровнях. К таким парам родственных народов принадлежат финны и эстонцы, а также в большей степени – народы пермской группы – коми и удмурты. Они близки по языку, религии, проживают по соседству в одном государстве. В результате того что ассимиляционные процессы у некоторых финно-угорских народов России, в том числе марийцев и карел, происходят быстрее – доля пермских народов на общем фоне финно-угров России растет. Следовательно, пара удмурты – коми дают интересный материал в плане сравнительной этнополитологии, в частности, относительно общего и особенного во время формирования этнической идентичности в царской, советской и постсоветской России.

Важным представляется то, что как коми, так и удмурты в наше время являются меньшинствами на своих исторических землях (исключение – коми-пермяки), составляя большинство лишь в сельской местности. Подобная ситуация складывается и с использованием и сохранением языка.

Однако интеллектуальные элиты данных народов, контакты которых были достаточно активными в 1920–1930-х гг. и на протяжении последних 20 лет, отмечают различия в тех моделях идентичности, которые сформировались исторически у обоих народов. А. Шкляев и Е. Тулуз в своем очерке «Средства массовой информации и национальный вопрос в Удмуртии в 1990-е годы» определяют такие особенности исторического прошлого удмуртов, как виктимность и акцентирование на трагических событиях в истории, которые сформировали национальное сознание народа [15]. Характерной чертой этнополитической ситуации в республике они считают неумение вести диалог и находить компромиссы. В то же время Б. Мюллер в своем исследовании «Язы-

ковая политика в Республике Коми» отмечает умение участников национального движения коми найти общий язык с представителями постсоветской номенклатуры и осуществить важные политические проекты, в частности, проводить языковую политику значительно более успешно, чем в Удмуртии [13].

Поиски финно-угорского единства – обратная сторона одиночества народов, которые слишком отличаются от соседей по языку.

Корень различий между указанными моделями исследователи ищут, как правило, в специфике, которая связана с социодемографической ситуацией и социокультурным уровнем в недалеком историческом прошлом.

Отметим некоторые из различий.

1. Территория заселения коми, удаленная от центра и с суровым климатом, не привлекала русских поселенцев. В 1926 г. коми составляли 92 % от общего количества населения. Они сохраняли определенную изолированность и продолжали жить в своем окружении. Даже после того как на территории коми была создана мощная индустрия, где работали мигранты и большое количество заключенных, уровень конфликтности был низок из-за расположения этих новых объектов и индустриальных городов (например, Воркуты) в слабозаселенных северных районах, в то время как большинство коми проживало в более благоприятных климатических условиях южных и юго-западных районов.

В то же время удмурты в 1926 г. составляли лишь 57 % населения на сегодняшней территории республики. Сложные политические взаимоотношения связывали удмуртов с русскими, в том числе участие в восстаниях и столкновение с русскими переселенцами, которые стремились захватить плодородные земли вдоль Сибирского тракта – важной транспортной артерии.

2. Коми и северные народы выработали общую модель образа жизни и материальной культуры, которая имеет транснациональный характер – так называемый северный этнокультурный комплекс. В ее основе – бережное, рациональное отношение к естественной среде и людям. Уровень зажиточности коми был высоким по сравнению с удмуртами. Коми были активными и предприимчивыми людьми.

Ассимиляционные процессы у некоторых финно-угорских народов России, в том числе марийцев и карел, происходят быстрее – доля пермских народов на общем фоне финно-угров России растет.

---

3. По свидетельству выдающегося социолога П. Сорокина, который во время революции осуществил несколько этнографических экспедиций по региону, по уровню образования коми-зыряне не уступали русским, среди них было немало представителей интеллигенции. Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар) был уже в то время городом, где преобладали коми-зыряне, что отмечал известный финский исследователь Ю. Вихман. Это был единственный город на Европейском Севере России, где преобладали не этнические русские. Наконец, зыряне были христианизированы в XIV столетии, что обеспечило определенную социальную стратификацию и развитие в Средневековье своеобразной древнепермской культуры.

Удмурты в отличие от коми были христианизированы значительно позже. Определенное влияние татарской культуры, в частности в южных районах, низкий уровень грамотности и бытовой культуры привели к тому, что удмурты в глазах многих русских представляли образ типичных «инородцев». На таком фоне произошло событие, которое имело общероссийский резонанс и чрезвычайно повлияло на формирование виктимности как одного из основных компонен-

тов современной удмуртской идентичности. Это – «Мултанское дело» 1892–1896 гг., по которому 10 удмуртов были обвинены в ритуальном убийстве русского крестьянина. «Мултанское дело», получившее название от с. Мултан, неоднократно упоминал в связи с известным делом Бейлиса в Киеве В. Короленко.

А. Шкляев и Е. Тулуз сравнивают «Мултанское дело» с делом Дрейфуса во Франции [15]. Однако такое сравнение, по нашему мнению, является некорректным. Дело Дрейфуса продемонстрировало мощь структур гражданского общества во Франции, нанесло удар по традициям отчуждения Другого, укрепило общенациональную идентичность. В противовес этому «Мултанское дело» и дело Бейлиса в России продемонстрировали слабость общенациональной солидарности. Представители православной церкви, официальной науки, юстиции, полиции и влиятельные официальные лица давали ясно понять, что подсудимые могли быть невиновными, но в принципе ритуальные жертвоприношения реально существуют среди удмуртов. После процесса удмурты оставались потенциально опасными «инородцами», а их защитники – представители демократической интеллигенции – внутренними врагами России. Как писали «Московские ведомости», «следует лишь удивляться стараниям нашего либерализма закрывать глаза на всевозможные преступления, если их осуществляют инородцы» [цит. по: 2].

Короленко обвиняли в том, что он якобы сам был уверен в существовании каннибализма среди удмуртов, но вопреки своей совести отрицает это лишь «для поэзии, для эффекта, для того, чтобы погеройствовать и сказать несколько слов об угнетаемом племени, о достоинстве России» [цит. по: 2].

Дело в том, что в основе «Мултанского дела» лежал межэтнический конфликт, который имел социально-экономическую почву. Удмуртское село Мултан было анклавом среди русских сел, где нашлись желающие воспользо-

ваться обвинением, чтобы захватить земли и недвижимость. Это обстоятельство значительно повлияло на общественное настроение удмуртов и национальное движение, которое зарождалось. Первый удмуртский ученый и литератор Г. Верецагин выступал на процессе в качестве эксперта, и это сразу направило усилия тонкой прослойки удмуртской интеллигенции в направлении апологетики, защиты этноса от обвинений.

О влиянии дела на процесс этнической мобилизации свидетельствует следующий факт. Во время I Всероссийского съезда удмуртов в конце июня 1918 г. в г. Елабуге, где В. Короленко дал клятву защищать невинных, делегаты послали поздравительную телеграмму писателю и приняли резолюцию издать на родном языке книгу писателя «Дело мултанских вотяков». Характерно, что в одном из докладов на съезде подчеркивалось, что Короленко «сорвал попытку окрестить полумиллионный народ позорным именем людоедов» [цит. по: 2]. Такое внимание участников съезда говорит о том, что в канун развития удмуртской территориальной автономии среди удмуртов уже сложился миф мученичества, который служил этномобилизационным целям. На протяжении XX столетия удмуртский культурный канон обогащался все новыми интерпретациями мултанской темы в ознаменование его 100-летия в 1996 г.

Однако виктимологическая интерпретация собственной этничности получила при советской власти новый мощный толчок – в виде «дела СОФИН» («Союз освобождения финских народностей»), которое было сфабриковано органами безопасности в 1930-х гг. Следует заметить, что образованная прослойка всех финно-угорских народов была уничтожена также в этот период, а те, кто остался в живых, как, например, выдающийся ученый-лингвист коми В. Лыткин, были заключены в концлагеря. В Марийской АССР, теперешней Марий Эл, все члены Союза писателей были расстреляны в 1937–1938 гг. Как

отметил финский ученый С. Сааринен, репрессиям подвергались и простые учителя, врачи, инженеры часто со всеми их родственниками [14]. В мемуарах выдающегося партийного деятеля Ф. Тараканова «Без вины над пропастью» изображена ужасающая картина репрессий на исторических землях коми, где, с одной стороны, уничтожали образованную молодежь, а с другой – создавали концлагеря для заключенных со всего Советского Союза [9]. Можно утверждать, что репрессии фактически заблокировали путь финно-угорских народов к полноценному этническому развитию. При этом наиболее массовый характер имели репрессии в приграничных регионах – Карелии и Ингерманландии (Ленинградская область). В Удмуртской республике процент репрессированных был не выше, чем в соседних регионах.

Именно сфабрикованное «дело СОФИН» стало началом репрессий. Оно было резонансным, широко обсуждалось и, как считает историк К. Куликов, его целью было «напугать и стигматизировать все финно-угорские народы». В шестом разделе своего труда, посвященного истории удмуртской автономии, К. Куликов подчеркивает, что приговор 28 удмуртским представителям интеллигенции был приговором всем финно-угорским народам [7]. Если в 1892–1896 гг. 10 безграмотных крестьян должны были символизировать злое щие намерения всех «инородцев», то в 1932–1933 гг. «разоблаченные» ГПУ Нижегородского края интеллигенты во главе с харизматическим поэтом, ученым и общественным деятелем Кузубаем Гердом должны были представить контрреволюционные намерения интеллигенции всех финно-угорских народов СССР. Кузубай Герд воплощал стремление преимущественно крестьянских финно-угорских народов подняться до высокого уровня культуры и благосостояния, лишиться комплекса неполноценности и выйти на международный уровень. Будучи амбициозным челове-

ком, он координировал эту деятельность и имел контакты с учеными и дипломатами Финляндии, Венгрии и Эстонии. Он пропагандировал использование финской модели словообразования для новой терминологии родных языков, а опыт независимых стран развития образования и культуры – для строительства соответствующей инфраструктуры на исторических землях финно-угров в СССР. Все это объясняет, почему по сценарию ОГПУ именно Кузубай Герд превратился в ту фигуру, которую можно было использовать для компрометации самой идеи социокультурного прогресса финно-угорских народов.

В обвинении по делу № 2774 «Контр-революционной организации Союза освобождения финских народностей» указывается, в частности, что программные политические установки организации (СОФИН) и ее деятельность ставили своей конечной целью отторжение путем вооруженного восстания Удмуртской автономной области и других автономий (Марийской, Мордовской, Карельской, Коми-зырянской) от СССР и создание Единой финно-угорской федерации с демократической формой правления. Среди других форм координации предусматривалось якобы «установление организацией националистического блока с контр-революционными элементами таких национальностей, как марийцы, мордва, карелы, коми-зыряне» [4].

Согласно версии ОГПУ, во время первого съезда удмуртов в 1918 г., где была принята резолюция по «Мултанскому делу», было также решено:

«2. Объединиться с финляндско-эстонским капиталом и войти, как самостоятельный доминион, в Северо-финское объединенное государство.

<...>

4. Расширить пределы Удмуртии, включив сюда половину Вятской губернии, Сарапул и Закамский район, Малмыжский уезд и границу подвести к области Коми.

5. Установить диктатуру удмуртского народа над русским населением Удмур-

тии, лишив русское население большинства политических прав.

6. Образовать Удмуртский епископат» [цит. по: 7].

Интересно, что кроме фантастических планов, которые инкриминировались участникам «СОФИН», как, например, вооруженный захват Ижевска или создание Единой финно-угорской федерации со столицей в Перми, среди материалов обвинения есть и реальные критические высказывания Кузубая Герда по поводу произвольно проведенных границ и разделения народов, которые используют один и тот же язык (коми-зыряне и коми-пермяки) [6].

Лишь после перестройки стали известны обстоятельства гибели Кузубая Герда в 1937 г. на Соловках и некоторые из выдвинутых им требований, которые были основой для обвинений в 1930-х гг. и вновь появившихся в публичном дискурсе сегодня.

Интересно, что, выдвигая определенный набор требований по национальному вопросу в 1990 г. (гарантированное представительство титульной нации в органах управления и в законодательных органах, государственность языка, минимум национальных институтов, необходимых для обеспечения всестороннего и гарантированного развития и поддержки национальной культуры народа, помощь диаспоре), К. Куликов делает пессимистический прогноз: «Но при всем этом, рассматривая будущее удмуртской нации, автор далек от оптимистичного вывода. Принятие некоторых мер по решению таких проблем, как повышение политического и экономико-правового статуса автономии, создания экономических основ развития народа, национальных институтов, расширения функции языка и т. д. до определенной степени позволит активизировать процесс развития нашего народа, но решающего влияния на его возрождение не будет иметь, потому что процесс деэтнизации стал очень глубоким и необратимым. Как говорят в народе – поезд удмуртской нации ушел» [7].

Как показали результаты развития за 20 лет от написания этих слов, опасения относительно будущего исполнились. Деэтнизация углубилась, но ни одно из предложений национального движения не стало реальностью. Представительство в органах государственной власти уменьшилось и является наименьшим пропорционально к численности этноса среди финно-угорских автономий, Закон о государственности языка отклонялся десять раз русскоязычным большинством, количество национальных институтов осталось на том же уровне.

Как и раньше, среди удмуртской интеллигенции распространено представление о себе как о вечной жертве, а национальное движение воспринимается как форма самозащиты от этнической дискриминации и колонизации, которые длились десятилетиями. Многие удмуртские интеллигенты, подобно писателю Петру Чернову, видят себя жертвами антиудмуртской кампании, которую «ведет значительная часть русских интеллектуалов и других групп русского населения» [1].

Другая модель идентичности лежит в основе адаптивных стратегий народа коми, чему способствовали более благоприятные условия, предопределившие слабый конфронтационный элемент в самоидентификации. Стремление получить качественное образование привело к появлению интеллектуалов действительно европейского уровня. Среди них – зачинатель литературы коми И. Куратов, будущий основатель социологических студий в Гарвардском университете США П. Сорокин, философ и литератор К. Жаков, выдающийся финно-угровед В. Налимов.

Наследие этих интеллектуалов уже до 1917 г. способствовало выработке определенной системы ценностей, где главной проблемой были адаптация малочисленного народа к естественной окружающей среде и взаимодействие с индустриальной цивилизацией. Предлагаемая ими модель выживания была сходна с рас-

пространенной в Северной Европе идеей «конструктивного взаимодействия и ненасилия в международных взаимоотношениях», которую и проповедовал П. Сорокин. Эти идеи проявили свою жизнеспособность в XX столетии, равно как и в концепции В. Налимова (который был репрессирован в связи с «делом СОФИН») о специфике вклада финно-угорских народов в мировую цивилизацию.

Принятие некоторых мер по решению таких проблем, как повышение политического и экономико-правового статуса автономии, создания экономических основ развития народа, национальных институтов, расширения функции языка и т. д. до определенной степени позволит активизировать процесс развития нашего народа, но решающего влияния на его возрождение не будет иметь, потому что процесс деэтнизации стал очень глубоким и необратимым.

В наибольшей степени идея баланса между творчеством в рамках культуры малочисленного народа и активным участием в культурной жизни Европы была воплощена К. Жаковым. Свои труды он писал на языках коми и русском, преподавал философию и язык коми в Тартуском университете, тем самым повлияв на интеллектуальную среду Петербурга и Риги. Ученый был в постоянном контакте с культурой родного народа. Организовал вместе с П. Сорокиным несколько этнографических экспедиций в регионы компактного проживания коми. Возродив наследие И. Куратова, он положил начало классическому канону культуры коми, которое было продолжено учеными школы В. Лыткина. Также К. Жаков способствовал украинскому и белорусскому движению. Обучаясь в Киевском университете (1896–1899), он смог повлиять на концепцию украинского футуризма. Но тес-

нее всего Жаков был связан с Латвией, где и умер (в Риге) в 1926 г. Там он учредил два философских общества – «Латвийское общество философии лимитизма» (председатель – ученик К. Жакова Е. Гросвальд) и «Академию философии лимитизма» (председатель – ученик философа Е. Барон).

Можно предположить, что две модели этнической идентичности, которые ярко представляют родственные народы – удмурты и коми – отображают разные модели, принятые Россией как общенациональным государством.

Оригинальная теория познания – лимитизм – была разработана К. Жаковым в канун мировой войны. Она подчеркивала единство науки, философии и религии. Синкретические учения, подобные лимитизму, пользовались популярностью в тот период; среди его адептов были М. Рерих и Я. Райнис. Я. Райнис перевел на латышский язык первые восемь разделов поэмы К. Жакова «Биармия». В произведениях латышского классика, в частности в драме «Огонь и ночь», чувствуется влияние коми философа, который поставил вопрос об уникальности духовного опыта малых народов. Роман «Сквозь строй жизни» (1912–1914 г.), который высоко оценил М. Горький, передает трагизм отчуждения личности, которая оторвана от национальных корней. При этом размышление философа о драме собственной жизни неизменно ассоциируется с мыслями о будущем так называемых новых народов, чья жизнь еще не подвластна жестоким законам глобальной цивилизации.

Идея сохранения первобытной природы, традиционной культуры народов и языка, выдвинутая К. Жаковым, глубоко укоренилась в культуре коми и стала основой мировосприятия интеллигенции края, ее этнической идентичности. Беспокойство о языке, который

может исчезнуть, является органической частью этого мировосприятия. К сожалению, последователи В. Тишкова в академических и властных кругах России часто видят в этом западное влияние, инструментарий технологии «этноменеджеров» и другие манипулятивные стратегии. Желание что-нибудь разоблачить – мифологический элемент в национальных идеологиях, развенчать примордиалистские концепции этнической идентичности возвращает сторонников конструктивистского подхода на старые рельсы. Это характерно и для программной статьи «"Финно-угорский мир": идеология и реальность», опубликованной в журнале «Свободная мысль». Авторы – не последние люди в российском истеблишменте – обращаются и к фигуре К. Жакова. В статье, в частности, отмечается следующее. В Коми некоторые представители национальной интеллигенции, в основном гуманитарной, пытались доказать, что древняя Биармия с цветущими городами – первое государственное объединение давних коми, что в прошлом их народ имел развитую культуру, вел обширную торговлю с ближними и дальними соседями и что все это было уничтожено в результате русской колонизации. В свое время один из первых ученых коми – К. Жаков, известный этнограф, философ и писатель, написал поэму «Биармия», где пытался воплотить собственные представления о золотом веке своего народа – времени, когда этнос коми представлял собой относительно единый социальный организм, еще не охваченный процессами социального расслоения. Его поэтический вымысел был использован для конструирования исторических и политических мифов [12]. Авторы фактически вернулись к отжившей аргументации 1930-х гг.

В докладе «Творчество К. Жакова», прозвучавшем на заседании Президиума Коми научного центра УрО АН СССР 22 августа 1991 г., подобная оценка была признана историческим курьезом времен

борьбы с национализмом. Представители гуманитарной интеллигенции, которые сделали доклад о творчестве К. Жакова 20 лет назад, пришли к такому выводу: произведения писателя «отобразили мечту патриархального коми крестьянства о путях перестройки общества на справедливых бескровных началах, на основах добра и мира» [10]. Следовательно, речь идет о системе ценностей, которая не имеет ничего общего с воинственным национализмом, сепаратизмом или межэтнической конфронтацией.

Можно предположить, что две модели этнической идентичности, которые ярко представляют родственные народы – удмурты и коми – отображают разные модели, принятые Россией как общенациональным государством. Политические практики царской России, Советской России и постсоветской российской государственности оказались в большей степени восприняты коми, чем удмуртами. Интеллигенция коми проявила большую гибкость в ведении диалога и поисках компромисса с властными структурами, в реализации рациональных стратегий и достигла на этом пути пусть скромных, но в качественном отношении ощутимых результатов.

В докладе «Северный этнокультурный комплекс в условиях трансформации духовной жизни региона», подготовленном Министерством культуры и национальной политики Республики Коми, отмечается: «Сегодня в республике функционирует полноценная модель государственной региональной этнокультурной политики, которая базируется на фундаментальной законодательной основе. Это законы о “государственных языках”, об “образовании”, о “национально-культурной автономии”, а также целая система соответствующих подзаконных актов. Особенностью формирования и функционирования государственной региональной модели этнокультурной политики является то, что этот процесс идет во взаимодействии с органами государственной власти, местного самоуправления и институтов по-

литнического гражданского общества» [8].

Благодаря продуманным стратегиям в Республике Коми происходит поликультурная этническая мобилизация. Сегодня существует достаточно позитивный этнокультурный баланс между интересами разных этнических сообществ.

Сегодня в республике Коми функционирует полноценная модель государственной региональной этнокультурной политики, которая базируется на фундаментальной законодательной основе.

Именно такое полиэтническое пространство стремились создать представители демократической российской интеллигенции начиная с XIX столетия. Сущность понимания поликультурного взаимодействия четко выразил выдающийся российский невропатолог и психиатр В. М. Бехтерев, сыгравший не последнюю роль в судьбе К. Жакова и П. Сорокина. Во время «Мултанского дела» он был профессором в Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге. Как-то в беседе коллеги спросили у него: не удмурт ли он по национальности, зная, что он родился в Вятской губернии и писал в свое время очерки об удмуртах (вотяках). Бехтерев заявил: «Я вообще коренной русский по всем линиям. Но пока длится Мултанское дело – я, безусловно, вотяк. В такой ситуации каждый порядочный человек – вотяк. Не так ли?» [цит. по: 2].

В своем заявлении В. М. Бехтерев выразил кредо многих российских интеллигентов с их особым кодексом чести и системой ценностей. Роль российской интеллигенции в формировании общенациональной идентичности в XIX–XX столетиях еще не нашла адекватного освещения в трудах современных российских ученых. В обобщениях В. Тишкова и Абдул-Хакима Султыгова по формированию нацио-

нальной идентичности в контексте национально-государственного дискурса не заметно внимания к «нюансам», без которых невозможно познать истину [3]. В данной статье мы попробовали осветить один из таких «нюансов»: различия в моделях адаптации к общенациональной российской (советской) государственности двух родственных народов – удмуртов и коми. Различия, как нам кажется, оказались достаточно значительными. Другим «нюансом» является роль российской интеллигенции в процессе адаптации не этнических русских к общенациональной государственности в XIX–XX вв.

Как справедливо указывает А. Казанцев, «сама интеллигенция создавала и поддерживала в России XIX–XX столетий политическое пространство как таковое». Фактическая монополизация интеллигенцией этой функции, считает ученый, обусловлена тем, что в результате истори-

чески слабого развития горизонтальных связей (и целеустремленной политики государства) степень самоорганизации социальных групп в России всегда была очень низкой [5].

В таких условиях интеллигенция с ее своеобразной системой ценностей, предусматривающей, между прочим, солидаризм со стремлением угнетаемых, в том числе «инородцев», выступала одним из главных проводников инновационных идей, в частности, относительно национальной политики в 1920–1930-х гг. Создание территориальных автономий в Советской России должно изучаться с учетом этой роли интеллигенции, во всей ее сложности и неоднозначности, а не сводиться лишь к спекуляциям относительно политической воли отдельных вождей большевизма или даже латентных структур мировой политики. Остается надеяться, что такие комплексные исследования появятся как в России, так и в Украине.

Поступила 17.09.2012

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ар-Серги, В.* А вы и не спрашивали. Мои засечки удмуртским топором // Дружба народов. – 2007. – № 10. – С. 170–184.
2. *Буня, М.* Короленко в Удмуртии / М. Буня. – Ижевск : Удмуртия, 1995. – 262 с.
3. *Вестник Российской нации.* – 2009. – № 1(3). – С. 107–134.
4. *Ермаков, Ф.* Кузубай Герд / Ф. Ермаков. – Ижевск : Удмуртия, 1994.
5. *Казанцев, А.* Интеллигенция и структурные инновации в политическом пространстве // Полис. – 2007. – № 1. – С. 71–93.
6. *Куликов, К.* Дело «СОФИН» / К. Куликов. – Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1997.
7. *Куликов, К.* Удмуртская автономия / К. Куликов. – Ижевск, 1990. – 205 с.
8. *Северный этнокультурный комплекс в условиях трансформации духовной жизни региона (на материалах Республики Коми) [Электронный ресурс].* – Режим доступа: <http://n-congres.com>.
9. *Тараканов, Ф.* Без вины над пропастью / Ф. Тараканов. – Сыктывкар, 1990.
10. *Творчество К. Жакова* : докл. на заседании Президиума Коми научного центра УрО АН СССР 22 августа 1991 г. – Серия препринтов «Научные доклады». – Вып. 269. – 43 с.
11. *Ткаченко, О.* Письма далекого друга – Васольялгань сермат / О. Ткаченко. – 2-е изд. – Саранск ; Киев, 2009. – 135 с.
12. *Шабаетов, Ю.* «Финно-угорский мир»: идеология и реальность / Ю. Шабаетов, Н. Шилов, А. Садохин // Свободная мысль. – 2008. – №12 (1595). – С. 84–85.
13. *Müller, B.* Sprachenpolitik in der Republik Komi // Osteuropa. – 1998. – Vol.48, № 6. – P. 604–616.
14. *Saarinen, S.* The Myth of a Finno-Ugric Community in Practice // Nationalities Papers. – 2001. – Vol. 29, № 1. – P. 47.
15. *Shklyayev, A.* The Mass Media and the National Question in Udmurtia in the 1990 s. / A. Shklyayev, E. Toulouze // Nationalities Papers. – 2001. – Vol. 29, № 1. – P. 97–108.
16. *Taagepera, R.* Eastern Finno-Ugric Cooperation and Foreign Relations // Nationalities Papers. – 2001. – Vol. 29, № 1. – 182 p.